

МАРГО ГЕНЕР

18+

Солнце
для
речного демона

Пересеченные миры

Марго Генер

Солнце для речного демона

«Автор»

2018

Генер М.

Солнце для речного демона / М. Генер — «Автор»,
2018 — (Пересеченные миры)

Когда девушка готовится к свадьбе, её мысли заняты лишь платьем, а логика вообще уходит в неведомые дали. Но мечта рушится, как карточный домик, когда из полноводной реки приходит угроза. Она смывает привычную жизнь и ставит девушку перед непростым выбором. В воде правит демон реки. И он не любит, когда ему указывают.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марго Генер

Солнце для речного демона

Глава 1

Это была лучшая поварешка, какие Эмили приходилось видеть. С глубоким черпаком, заполированным до гладкости, и длинной ручкой, на которой красуются витиеватые узоры.

Она смотрела на черпак, но в голове светилась единственная мысль: «Он сделал это специально для нее. Рикки вырезал поварешку специально ей в подарок. Потратил время и силы».

От осознания этого Эмили хотелось петь.

– Спасибо, Рикки, – с жаром сказала она и прижала поварешку к груди, как самую редкую драгоценность в мире. – Мне так нравится! Это просто чудесно!

Прячась от вечернего солнца, они стояли рядом с лавкой бытовых оберегов, где продавалась знахарская мелочь, вроде зайчих лапок, крыльев летучих мышей и муравьиных брюшек. Сейчас за прилавком пусто. Но Эмили была уверена – торговка прячется где-то внутри и прекрасно слышит всё, что творится снаружи. А еще Эмили знала – к вечеру об этом разговоре будет знать весь Обод.

Но сегодня её это даже радовало.

– Ты такой... Хороший, – прошептала Эмили, смущенно улыбаясь.

– Да брось, – с наигранной скромностью проговорил Рикки и дернул головой, откидывая густую челку. – Я потратил на это лишь день работы.

День работы, целый день, подумать только. Девушка едва не расплакалась от радости.

– Ты потратил на неё столько времени... – выдохнула Эмили, глядя на него влюбленным глазами. – И это для меня...

– Конечно для тебя, – отозвался Рикки, явно довольный. – Кому ещё я мог вырезать половник?

– Не знаю, – смущенно прошептала Эмили.

Она действительно не знала потому, что выбор у Рикки очень богатый. Будучи самым видным парнем в Ободе, городке на берегу реки, он никогда не страдал нехваткой внимания.

Для Эмили Рикки тоже казался воплощением грез. Черноволосый, высокий, широкий в плечах и с ослепительной улыбкой, от которой млеют девушки. А когда он смотрит в их сторону своими черными глазами, они готовы плакать от счастья.

Эмили снова проговорила:

– Спасибо. Я буду всегда помнить этот день.

Парень одарил её снисходительным взглядом, но улыбнулся. От этой улыбки в душе Эмили заиграли арфы. Она с пятнадцати лет была влюблена в этого сына столяра. А столяр являлся одним из самых уважаемых людей Обода.

И вот, Рикки подарил ей подарок. Ей, скромной дочери торговца овощами. Она не считала себя знойной красавицей, но все же была весьма привлекательна, стройная, с зелеными глазами и светлой гладкой кожей.

Но еще Эмили обладала прекрасными рыжими волосами до самого пояса. Эти волосы были её достоянием и гордостью. Она редко убирала их. Лишь если того требовала работа. Часто Эмили так и ходила простоволосой. Но Обод старался идти в ногу со временем и, в отличие от королевства, что граничит с Терамарским лесом, здесь уже никто не заставлял женщин молчать в тряпочку и покрывать голову.

– Пользуйся, – довольно проговорил Рикки и послал Эмили один из своих коронных взглядов, от которого она едва не сомлела.

– Я буду, – клятвенно заверила Эмили. – Ты сделал меня счастливой!

– Тебя слишком легко сделать счастливой, Эмили, – снисходительно заметил Рикки.

– Ты заблуждаешься, – ответила она, отворачиваясь, чтобы сын столяра не видел, как она краснеет.

Счастливой её сделать мог только он, потому что лишь глядя на него, в груди ухало, сердце пускалось в пляс, а на языке вертелись милые глупости.

– Ты перечишь мне, женщина? – с шутливой угрозой проговорил Рикки и прищурился.

Эмили хихикнула. Даже в детстве он иногда так делал – изображал из себя грозного мужчину давних времен, когда женщины считались их придатком.

– А ты впал в седую древность? – смеясь ответила Эмили.

Губы Рикки расплылись в ухмылке.

– Твое поведение даже в наши свободные времена не всем кажется годным, – отозвался он.

– Я веду более чем скромную жизнь, – заметила Эмили. – Не в пример постоялицам трактира.

Рикки двусмысленно хмыкнул.

– Трактирные девушки просто стараются быть современными. В силу своих способностей, – проговорил он, словно оправдывая их. – А ты с детства то по деревьям, как мальчишка лазила, то в камешки играла.

– В камешки можно и девочкам играть, – сообщила Эмили.

– Но не в мужской рубахе и штанах! – уже почти не сдерживая смеха произнес сын столяра.

Эмили тут же нашлась.

– Так в платье меня не пускали играть! – проговорил она быстро. – Тоже мне, порядки. Играть в камешки можно, но не в платье. А мужскую одежду девочкам носить нельзя. И как играть прикажешь?

– Это называется лазейки в законах, – всё еще посмеиваясь, сказал Рикки.

– Если они находят лазейки, то почему не могу я? – с искренним удивлением спросила Эмили.

Рикки хмыкнул и покосился в сторону трактира, откуда доносятся грохот кружек и довольный смех.

– Ну ладно, Эми, – сказал он. – Я пойду промочу горло. И так умаялся с этим полковником. Как, никак, все же резная работа. Имей в виду, второго такого просто не существует.

Эмили восторженно вскинулась.

– Это делает его еще ценнее! – выдохнула она.

Рикки вскользь чмокнул её в макушку и, развернувшись, широкими шагами двинулся по брусчатке вверх в сторону трактира. Его выстроили совсем недавно, но он уже успел завести постоянных клиентов.

Эмили была счастлива. В своих самых розовых мечтах она и подумать не могла, что Рикки обратит на неё внимание. Ведь вокруг него всегда выются самые яркие девушки Обода, а он, к глубокой досаде, всегда отвечает на их зазывания. Но сейчас он даже поцеловал её, пусть даже в макушку, как маленькую девочку.

– Неужели случаются такие чудеса, – с придыханием проговорила она, глядя вслед широкой удаляющейся спине.

С Рикки они были знакомы с детства. Его отец и её дядя, который после смерти родителей занимался её воспитанием, были хорошими друзьями. Эмили и Рикки вместе росли, проводили вместе времена, бегали на речку, играли, забирались в яблоневые сады господина бургомистра... Не влюбиться в красавца, которым стал сын столяра, было невозможно.

Многие девушки питали к Рикки романтические чувства. А он никогда не пытался сделать вид, что ему это не интересно, и с охотой отвечал на заигрывания девиц, которые слишком уж буквально понимали вседозволенность.

Но теперь он оказывает знаки внимания ей. И даже сделал подарок, который очень похож на сговорный. Это может означать лишь то, он готовится к предложению.

От этой мысли Эмили едва не запищала. Вцепившись в поварешку, словно та может рассыпаться в прах, если её отпустить, она бросилась вниз по дороге.

Эмили бежала домой, спеша рассказать обо всем дяде. Он не одобрял ранних браков, но ей уже восемнадцать, а многие выходят замуж гораздо раньше. И даже больше, вообще не выходят, хотя появляются на людях в компаниях своих ухажеров. Но Эмили, хоть и считала, что девушка имеет права голоса и мнения, все же предпочитала хранить себя для любимого. Настоящего и единственного.

В воздухе витал запах жареной курицы, из пекарни тянуло свежей сдобой, а из ближайшей конюшни – лошадыми. Но Эмили обуревало такое счастье, что эти запахи казались слаще аромата роз. И даже угрюмые дома из серого камня по краям дороги выглядели чуточку радостней.

В дом она буквально влетела, окрыленная подарком Рикки.

– Дядя! – с порога выдохнул она. – Дядя Рохард!

Он сидел за столом и заполнял какие-то бумаги. Седина на его висках уже начала ползти к макушке, а морщин, которые Эмили усердно старалась не замечать, стало больше. Дядя явно устал от торговли и даже упоминал о преемнике. Но когда Эмили предлагала себя на эту роль, лишь качал головой и говорил, что торговля слишком опасна. Девушке не следует ездить одной по дорогам, полных тех, кто жаждет легкой наживы.

Когда она вошла в дом, вся сияющая и счастливая, дядя поднял голову.

– Эмили? Что стряслось? – спросил он с тревогой, потому что в начале всегда тревожился, а уж затем радовался, если тому способствовала ситуация.

– Не стряслось, дядя! – прошептала Эмили. – А случилось. Дядя, Рикки подарил мне это!

Она протянула ему поварешку с разной ручкой. Дядя окинул озадаченным взглядом и племянницу, и посудный элемент, затем поинтересовался осторожно:

– Половник?

– Не просто половник! – с жаром воскликнул Эмили. – Ты разве не понимаешь? Рикки сделал мне подарок. А это значит, я ему нравлюсь! Все-таки нравлюсь!

– Я бы не делал таких поспешных выводов о чувствах, – попытался образумить ее дядя. – Просто...

– Нет, дядя, – не дала она закончить ему. – Ты не понимаешь. Столько времени я ждала и надеялась, когда он, наконец обратит на меня внимание. Никто не верил. Даже подруга, Люси. Хотя сама она уже полгода волочится за молодым кузнецом из нижнего города. Даже она, дядя, считала, что Рикки не моего полёта птица. И теперь я посмотрю, как вытянется её лицо, когда я покажу ей это.

Эмили выставила перед собой половник, как неопровержимое доказательство своей правоты.

– Эми, – снова попытался образумить одурманенную счастьем племянницу дядя. – Это лишь половник.

– Он вырезал его сам! – не сдавалась Эмили. – Сам. И специально для меня. Не для Меридит из трактира, и не для Сабины, этой пышнотелой пастушки, которая сама вешается

ему на шею. Нет, дядя, он вырезал его специально для меня. Тебе не кажется, что это похоже на стоворный подарок?

– Ну вообще-то вы очень давно знакомы, – попробовал объяснить действия сына столяра дядя. – Возможно это лишь дружеский жест. Не стоит принимать все так близко к сердцу.

Дядя Эмили явно пытался остудить пыл племянницы, но Эмили была слишком счастливая, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Рикки действительно прежде относился к ней как к подруге детства. Но подарков никогда не дарил. Он вообще никогда и никому не делал подарков. А теперь у неё лучший половник в мире. И пускай это не серебряная сбруя для коня, какую подарил племянник бургомистра своей невесте на помолвку, но зато Рикки выстрогал его сам! И только для нее!

Она подумала о его темных, как омуты, глазах и ощутила, как в груди теплеет, а губы расплзаются в глупой улыбке.

Как же хорошо! Как хорошо ощущать, что тебя любят! Эмили была уверена, что это так.

– Эмили, милая, мне все же кажется, ты немного перегибаешь палку, – проговорил дядя Рохард. – Я допускаю, что Рикки однажды захочет жениться, но...

– Ничего я не перегибаю, – сообщила она. – Ты не понимаешь. Что касается строгания, Рикки ленив. И этот половник для него настоящий подвиг!

Дядя Эмили выдохнул, опуская плечи, явно не зная, как еще донести всю глубину абсурда её выводов.

Она тем временем, подобрав юбки, под озадаченным взглядом дяди отправилась на кухню. Там она положила половник на середину стола и села рядом, подперев ладонями щеки.

Она все еще улыбалась.

Рикки. Мечта всей юности. И Эмили не знала, чем заслужила внезапное счастье. Ее родители погибли, когда была совсем младенцем. Река Сона, что в нескольких километрах от города впадает в Туманное море, разлилась очень стремительно. А разлив её всегда выглядит страшно – двухметровая волна, которая поднимается со стороны моря...

Но обычно за пару дней до этого кошмара на берег Соны выносит массу водорослей. И после этого предвестья есть время подготовиться, уйти в холмы, переждать паводок. Но тогда предупреждение почему-то не сработало, а родители были на берегу...

Эмили вздохнула, погружаясь в воспоминания. Она их почти не помнила, её вырастил и воспитал целиком дядя, который так и не женился после того, как его невеста сбежала с каким-то пройдохой в Неудержимые земли.

И именно дядя познакомил её с Рикки. Они были совсем малютками, их кормили за одним столом, время от времени оставляя то у дяди Рохарда, то у родителей Рикки. Так они и росли, вместе, всегда рядом, а когда Эмили исполнилось пятнадцать, она уверилась, что Рикки её судьба, и они обязательно поженятся.

– Потому, что я так давно знаю его, – уверенно прошептала себе Эмили. – И значит, люблю.

Со времен того страшного разлива река больше не выходила из берегов. Бургомистр города рассказывал, что прежде, когда родители Эмили были живы, разливы случались каждый месяц. Они приносили жуткие разрушения, сносили дома всех, кто живет в низовьях, топили огороды, уносили людей...

Пока однажды к ним в город не забрел маг. Он с первого взгляда определил, что в Соне обитает демон и его необходимо задабривать.

Чем задабривать речного демона в Ободе не знали. Но маг за некоторую плату совершил страшный ритуал, во время которого бурлила вода и выл ветер. Он выяснил, что демону требуется нечто вроде жертвы. Молодой невинной девы.

Такое заявление привело бургомистра и горожан в ужас. Никто не хотел отдавать своих дочерей в пасть жуткого чудовища, которое регулярно топит людей и скот. Но когда случился тот роковой разлив, унесший жизни её родителей, тяжелое решение все же было принято.

Путем жребия на тайном собрании всех глав семейств, у кого имелись невинные дочери. Из всех непорочных, дев была выбрана одна... И после этой жертвы наводнения прекратились на много лет.

Эмили вздохнула. Она совершенно не знала родителей, но была бы счастлива разделить с ними свою радость. Но треклятый речной демон и его разлив сыграли свою страшную роль в ее судьбе.

Что ж, она постарается стать достойной девушкой – единственное, что можно сделать в память о них.

С такими мыслями Эмили поднялась из-за стола и вышла из кухни прямо во двор. Нужно посетить портниху и снять мерки на платье. Рикки еще не делал официального предложения, но нужно быть готовой, чтобы потом не бегать с горящими пятками и не шить свадебное платье впопыхах.

Глава 2

До трактира Рикки добрался быстро и в отличном расположении духа. На его губах играла легкая улыбка, он тихонько насвистывал.

С Эмили они были знакомы так давно, что он для себя четко решил – пожениться им будет самым удобным. Тем более, они воспитывались почти на две семьи, а значит, не будет никаких сложностей с привыканием, бытом и прочими вещами, с которыми сталкиваются молодожены.

Подарков Рикки дарить не любил, поскольку считал это расточительством и бесполезной тратой времени. Но для Эмили решил сделать исключение из-за события, о котором размышлял пару месяцев.

И был очень доволен, когда увидел сияющие глаза Эмили, получившей половник. Любая другая подняла бы его на смех. Но не она. В отличие от большинства дев, которые стараются идти в ногу со временем, Эмили преданна ему, и очень льстило.

Толкнув дверь трактира, Рикки ввалился внутрь и окинул взглядом помещение.

Сегодня в нем было не протолкнуться. Из королевства, что рядом с легендарным Терамарским лесом, привезли обозы с овощами, и народ отдыхал после разгрузки.

– Рикки! Парень, иди к нам! – прокричал мосластый кожевник, который в трактире бывал чаще остальных. – Иди сюда, промочи горло!

Рикки не слишком любил его компанию, и лишь кивнул, мол, подойду попозже, а сам двинулся к барной стойке.

– Грог, – сказал он, опершись на столешницу. – И тарелку с вялеными языками.

Толстощекий паренек за стойкой кивнул и быстро организовал ему чашку с дымящимся напитком и тарелку с мясом.

Рикки жевал медленно и вдумчиво, словно взвешивает всё, что произошло и прикидывает, как сделать дальше, чтоб было лучше. Когда он отправил в рот очередной кусок вяленого языка, справа возникла небольшая тень.

Неспешно подняв взгляд, Рикки обнаружил пухлогубую блондинку. Грудь высокая и крупная, под ней черный корсет на шнуровке, что делает талию уже, и бедра на её фоне выглядят весьма впечатляюще. Волосы заплетены в две толстые косы, девушка оперлась локтем на барную стойку и хлопает пушистыми ресницами.

– Здравствуй Рикки, – пропела она мелодичным голосом. – Что это ты делаешь в трактире в такое время?

– То же самое могу спросить тебя, Орелия, – отозвался парень, скользя по груди блондинки оценивающим взглядом. – Разве можно дочери бургомистра посещать такие места?

– Дочери бургомистра можно много чего, – отозвалась она.

– Звучит дерзко, – хмыкнул Рикки и отхлебнул из чашки.

– А почему нет? – с улыбкой проговорила девушка. – У победителей дерзость в крови. Слыхала, ты подарочек кое-кому сделал.

Юноша шумно выдохнул и покачал головой с ухмылкой.

– Молва бежит быстрее меня. – сказал он.

– О тебе молва только во славу, – с явным желанием угодить произнесла девушка и еще сильнее облокотилась на стойку.

Её внушительная грудь легла на столешницу и очень выигрышно открылась перед взором Рикки. Девушка облизала губы и, наклонившись к нему прошептала:

– Неужели ты всерьез собрался жениться на этой Эмили? Она же странная. И волосы эти рыжие... Ни у кого в Ободе таких не было. Наверняка она в постели вобла.

Рикки поковырял языком в зубах и с еще большим интересом стал рассматривать грудь дочери бургомистра, которая находится в паре десятков сантиметров от лица. Над корсетом белая рубашка, и сквозь нее просвечиваются крупные соски с темными ареолами.

Юноша шумно сглотнул и потянулся, чтобы ухватить за одну, но потом оглянулся и вовремя опустил руку.

– А ты что о постелях знаешь? – спросил он охрипшим голосом.

– Ну... – игриво протянула Орелия, – пока только в теории. Но если ты позволишь, я бы хотела кое-что изучить на практике.

Рикки фыркнул с явным раздражением.

– Ага, конечно. Сейчас практика, а потом твой батя мне розгами спину исполосует. А потом жениться заставит. Нет, не годится.

Орелия наигранно захлопала ресницами и надула губы.

– Тебе так не хочется на мне жениться?

– У меня свои планы, – отозвался парень. – Твой муж всегда будет лишь мужем дочки бургомистра. А мне дело свое надо, чтоб никто мне не указывал. У Эмили дядя торговец, а это славное дело.

Орелия обвел языком верхнюю губу, а потом как бы невзначай скользнула пальцем по краю выреза.

– Да не пугайся так, Рикки-проньера, – сказала она. – Не нужно мне, чтобы ты на мне женился. Я вообще не собираюсь этого делать. Это папенька все норовит за муж пристроить. У меня же другие планы, и они не сочетаются с планами папеньки. В Ободе столько красивых мужчин. Глупо похоронить себя под одним.

– Такой брехни в жизни не слышал, – отозвался сын столяра.

Орелия проговорила вмиг охрипшим голосом:

– Должна же я как-то раскрепостить тебя. В жизни не поверю, что ты вдруг решил стать верным псом. О тебе девушки такое рассказывают... Я буду дурой, если не попробую. Обещаю, папенька не узнает.

Рикки выдохнул, глаза хищно блеснули.

– Значит, ты смелая? – спросил он, вытирая губы от грога.

– Очень смелая, – охотно согласилась Орелия.

– И что ты хочешь?

– А пойдем в комнату, пока никто не видит? Покажу кое-что.

У портнихи Эмили оказалась так быстро, словно за спиной выросли крылья и перенесли к домику на окраине города. Портниха Аронда славилась своим мастерством на всю округу и очередь к ней была на месяц. Но Эмили дружила с ней. Иногда приносила продукты, свежую рыбу, которую покупала у рыбаков на Соне. И вообще, Эмили со всеми старалась поддерживать хорошие отношения. Хотя с девицами, которые вились вокруг Рикки это выходило из ряда вон плохо.

Но теперь все изменится. В груди Эмили все ликовало и пело. Рикки непременно сделает ей предложение, и никакие Меридит и Розали не встанут между ними.

С такими мыслями Эмили перешагнула порог дома портнихи. Он состоял из одной огромной комнаты, сплошь завешенной тканями, мерными лентами и нитками. Во всей этой пестроте обнаружить Аронду было не просто.

– Аронда? – осторожно позвала Эмили.

Одна из тканевых куч возле окна зашевелилась, через секунду из неё показалась одна рука, затем вторая. После этого высунулась лохматая, полностью седая голова и повернулась морщинистым лицом к девушке.

– Эмили, дорогая! – воскликнул портниха и зашуршала тряпками, выбираясь из вороха.

Аронда определенно была старше дяди Эмили и даже старше бургомистра. Но точно определить, сколько ей лет никто не мог. Единственное, что было известно – когда отец нынешнего правителя вступил в права бургомистра, она уже была седой.

Но с тех пор, если верить старожилам, на ее лице не прибавилось ни одной морщины.

– У вас, как всегда, уютно, – похвалила Эмили дом портнихи. Он ей действительно нравился, несмотря на жуткий беспорядок.

– Давненько ты не заглядывала, милая, – произнесла Аронда, наконец выпутавшись из паутины ниток. – Думала, забыла совсем старую Аронду.

– Ни в коем случае, – поспешила заверить Эмили. – Вы мне как матушка, которой я никогда не знала. Как же я могу о вас забыть.

– О, милая, это так приятно слышать, – отозвалась Аронда. – Проходи, я чаю налью.

Сквозь ворохи и завалы тканей Эмили протиснулась к левой стене, где у Аронды находилась переносная кухня. Она перетаскивала её с места на места потому, что иногда требовалось больше пространства для творчества, а кухонный стол в него никак не вписывался.

Но очаг слева находился постоянно, и его старая портниха переместить не могла. Пока девушка расчищала стулья от кип недошитой одежды, Аронда налила в чайник воды из бочки и поставила в очаг на железную решетку.

– Ну вот, дорогуша, – произнесла Аронда, с довольным видом усаживаясь на стул. – Сейчас согреется, и попьем. Расскажешь старой портнихе, какие у тебя новости.

Эмили не знала, как начать, мялась и откладывала. Неожиданно, ей стало казаться, что она слишком спешит, что отец прав, что этот подарок ничего не значит или значит лишь выражение дружбы. Её мысли спутались, она тряхнула копной рыжих волос и постаралась вернуть трезвость.

Нет, подумала она, сын столяра действительно никому и никогда не делал подарков. Даже своим родителям на праздник летнего равноденствия преподнес два мешка отборной пшеницы, и то раз в жизни. Больше за вручением подарков Рикки замечен не был.

А о девицах, которые стаями выются вокруг него не могло быть и речи. Эмили могла поспорить на свои прекрасные волосы, что Рикки не подарил ни одной из них даже крупинки соли. Зато ей вручил половник, любовно выстроганный руками, выпиленный и отполированный до гладкости. Это не могло ничего не значить, Эмили была в этом уверена.

– Милая, – донесся голос старой портнихи и выдернул её из размышлений. – Ты что-то замолчала резко. Задумалась поди? Ну не надо, на таком чистом личике рановато думствующие морщины заводить. Лучше возьми в буфете поднос и неси сюда.

Дурные мысли мигом отступили, Эмили поднялась и быстро сбежала к буфету, спотыкаясь и едва не свалившись в один из ворохов. От буфета старалась идти осторожней и тщательно глядя под ноги.

Поднос был закрыт массивной крышкой, но когда старая портниха откинула её, Эмили охнула.

Аронда не славилась изысками в готовке, но сейчас на столе стояли несколько блюд достойных самых высоких похвал. Прожаренная голень индейки под травами, на столько ароматными, что рот тут же наполнился слюной, луковые кольца в тесте с томатным соусом. Рядом блюдо с яблоками, а на отдельной тарелочке три больших заварных пирожных.

Эмили вытаращилась на это великолепие, каких давно не видела и выдохнула:

– Когда вы успели это приготовить?

Аронда отмахнулась с усмешкой и отклонилась на спинку стула.

– Вот еще, – сказала она. – Что б я, да готовила? Делать мне больше нечего. Только время впустую тратить. Это мне посылка от далеких родственников пришла.

Эмили все еще восторженно смотрела на блюда и не могла поверить, что индейку можно запечь так ароматно.

– От далеких? – спросила она, запоздало удивляясь. – Насколько далеких?

– Ну... – протянула старая женщина. – Скажем, из Терамарских лесов.

– Ого! – выдохнула девушка. – Самих Терамарских? И правда далеко... А... что там за народ живет?

– Темный народ, – сообщила портниха. – Каждый год телега привозит людей оттуда. Суровых, мрачных, и причем одних пареньков. Хотя в последние пару лет и девки появились.

Эмили кивнула и проговорила:

– Не они слишком похожих на тех, кто умеет так славно беречь провизию. Как тогда посылка сохранила свежесть?

Портниха снова отмахнулась и сказала:

– Не знаю. Родственница у меня та еще... Гм, умеет в общем. Я с ней почти не общаюсь, поскольку ведьма она. А приличным портнихам с такими нечего дружбу водить, пусть она трижды родственница. Ты ешь, не стесняйся.

Теперь на изысканные блюда Эмили смотрела с сомнением. Про ведьм и магов она, конечно, слышала. Хотя бы взять рассказ бургомистра о маге и том, как он помог Ободу. Но чтобы встречаться с ними или их творениями – первый раз.

– А вы уверены, что это можно есть? – с опаской спросила Эмили.

Портниха рассмеялась, а потом сама цапнула нож, отхватила от индейки добрый кусок и прямо руками отправила в рот.

– Конечно можно, милая, – отозвалась она, сочно жуя. – Кабы не эти родственнички, я бы только ягодами да медом питалась.

Стоило признать, еда выглядела так умопомрачительно, что отказаться от нее было бы верхом расточительства.

Сделав глубокий вдох, Эмили взяла пирожное и осторожно откусила самый краешек. По языку тут же растеклась нежнейшая сладость, а через несколько мгновений, девушка уже уплетала за обе щеки и пирожные, и индейку, закусывая все это луковыми кольцами.

– Передайте, вашей родственнице, – проговорила она дожевывая яблоко, – что готовит она лучше всех, кого я знаю. И пусть я лично нее не знаю...

– И слава богам, – вставила портниха, вскинув палец.

Эмили кивнула.

– Да, слава, – сказала она. – Так вот, пусть лично её не знаю, но она лучший кулинар в мире.

Портниха усмехнулась и обтерла пальцы о передник.

– Ну, это громко сказано, – проговорила она, поднявшись со стула и взяв с решетки чайник, из которого уже начал выплескиваться кипяток. – Сдается мне, готовит она не сам, а как-нибудь с магией.

– Все-таки странно это, – отозвалась Эмили, облизывая пальцы от пирожного, из которого выдавился крем.

– Что?

– Не общаться с родней, – осторожно заметила девушка, поскольку у неё самой из родственников был только дядя и она не понимала, как можно вот так запросто отказываться от близких. Особенно, если они есть.

Портниха поморщилась и шумно отхлебнула из чашки, стараясь не обжечь губы.

– Родственники всякие бывают, – сообщила она наставительно. – А эта троюродная кузина по матери, превращает людей в зверей и заставляет их бегать по лесу. Мол, в воспитательных целях, чтоб лес не портили и воду не мутили.

– Прямо в зверей? – не поверила Эмили, поскольку сама не видела, как действует магия, хотя в их городке жили аж два шамана и один знахарь.

Аронда кивнула и снова отпила.

– Натурально, – сказала она. – В медведей, зайцев, во всякую, в общем, живность.

Девушка немного подумала и проговорила:

– Вообще-то цель не такая уж плохая. Защитить природу.

– А кто ей право распоряжаться чужими судьбами дал? – спросила портниха резко.

– Ну... – протянула Эмили. – Она же ведьма...

– То-то и оно, что ведьма, – отозвалась Аронда. – Может, дело совсем не мое, но, по моему, берет она на себя многовато. Хотя... Да ладно, чего мы все о страшном. Давай, поведай, что там снаружи творится. А то я вся в тряпках и штопках, носа на улицу не кажу. Вчера ворох рубашек от бургомистровой жены привалил. Все рваные на груди до самого пупа. Представить срамно, как они порвались.

Эмили смущенно опустила взгляд и подвинула чашку к портнихе, делая вид, что не понимает, о чем речь. Но щеки все же порозовели, она прекрасно знала, что могло случиться с рубашками жены бургомистра. И несмотря на то, что чета была уже не молода, страсти, судя по всему, между ними не убавилось.

– Тогда я, наверное, не вовремя, – проговорила Эмили, потирая щеку и глядя, как портниха наливает кипяток в чашку.

Брови старой женщины вскинулись, а лоб покрылся морщинами.

– Почему это? – удивленно спросила она и подвинула чашку, от которой взвилось ароматное облачко, обратно ей, – ты всегда желанный гость в моем доме, милая.

Эмили помялась, но все же проговорила:

– Да нет, у вас и так слишком много работы. А тут еще я налетела и ополовинила вашу передачку...

– Глупость какая, – фыркнула старушка. – Я бы не съела её, пришлось бы отдать собакам. А провизия знатная.

– Но все же...

– Давай, не тни, – строго сказала портниха. – Выкладывай, в чем дело.

Эмили сделала глубокий вдох и, выпрямившись, проговорила:

– Ну ладно. Дело в том, что у меня есть подозрение... В общем... Мне кажется, Рикки сделает мне предложение. Не спрашивайте, почему я так считаю. Вы можете решить, что причина не достаточно веская, но мне так кажется. Очень сильно кажется.

Портниха всплеснула руками и подскочила с места.

– Какая новость! – воскликнула она. – Это ведь настоящее событие! Наша девочка выйдет за муж за Рикки! Пресветлые боги! Эмили, тебе ведь нужно платье! Будет нужно.

Эмили перевела взгляд на кипы недошитой одежды и ощутила легкий укол совести. Старая портниха и так трудится, не покладая рук, штопает, шьет. Не хотелось наваливать на нее еще одно дело. Но при мысли о том, что она может стать женой Рикки, ее любимого Рикки, здравый смысл сворачивался где-то в районе пяток.

– Я за тем и пришла... – начала Эмили. – Точнее, не только за этим. В первую очередь, конечно, чтобы вас поведать...

– Ой, не подлизывайся, – отозвалась с улыбкой Аронда. – Вон, глазки как блестят. Чую, не терпится мерки снимать. Вставай давай, иди сюда.

Эмили подскочила, слегка смущенная тем, что старая портниха прочитала её мысли, словно открытую книгу. Затем подошла и замерла возле старой женщины.

Та взяла мерную ленту и стала прикладывать то к одному, то к другому месту – она мерила длину от груди до талии, от талии до пяток, объем этой самой талии, который у Эмили был небольшим. Зато грудью ее природа одарила, и Аронда написала угльным карандашом на листе число девяносто восемь. Бедрa тоже у Эмили были на редкость привлекательными. А ягодицы вздернутыми. За это Эмили благодарила мальчишеские забавы, которые любила в детстве. Пусть она не белокурая леди из верхней части города, но все равно не хуже других. И достойна того, чтобы быть женой такого красавца, как Рикки.

Аронда достала откуда-то отрез молочно-белого цвета и приложила его к Эмили.

– Оно будет прекрасно оттенять твои чудесные волосы, милая, – проговорила она довольно.

Эмили улыбнулась. В действительности, она не была наивной дурочкой, которую стоило лишь поманить пальцем, и она побежит следом, сделает что угодно. И в глубине души Эмили понимала, что дядя Рохард отчасти прав, считая, что она делает поспешные выводы. И если дело шло о любом другом парне Обода, у нее даже мысли не возникло бы отправиться к портнихе. Но Рикки не такой, как остальные, и все, что он делает следует понимать правильно. А Эмили знала его очень давно.

– Не знаю, какой крой лучше, – озадаченно проговорила девушка, прикасаясь к гладкой ткани. – Я думала, может свободный...

– Еще чего! – воскликнула портниха. – С такой фигуркой грешно надевать мешок! Нет уж, милая, может ты и соображаешь в готовке и травах, но шитье предоставь мне.

Эмили улыбнулась. Старая портниха всегда пользовалась случаем напомнить о ее талантах. Видимо, Аронда действительно ее очень любила и всячески желала добра. Эмили и правда неплохо готовила, а способность к травничеству проявилась еще в детстве. Ей с легкостью удавалось запоминать и отличать растения, она умела их сушить, а собранный Эмили копорский чай ценился во всем Ободе.

Но сама она не считала это каким-то выдающимся даром. На ее взгляд, куда полезней было бы обладать хоть какой-то магией или, например, уметь шить. Аронда даже спустя много лет не знает отбоя от клиентов и платят ей весьма щедро.

У Эмили же с тканями всегда возникали сложности, вроде неверно отмерянного и отрезанного полотна, кривых стежков, которые потом разлезаются, и узелков на нитках.

Теперь же она радовалась тому, что лучшая портниха Обода взялась за ее платье, а еще тому, что та не стала причитать и пытаться убедить ее в поспешности. У Эмили было очень четкое чувство, что такое платье ей понадобится.

– Так... – бормотала портниха только на понятном ей языке. – Прибавки на выточки... Нет, тут побольше надо, угу...

Сняв мерки, девушка просидела у портнихи еще около получаса, а затем попрощалась и двинулась верх по дороге.

Солнце успело сесть, и вечерний сумрак окутал Обод. Эмили всегда нравился городок в это время. Мощеные брусчаткой улочки меж каменных домов казались таинственными, а когда зажигали ночные факелы и вовсе казалось, что мир пронизан магией.

Где-то настойчиво квохтала курица, что значит, сидит на яйцах, и скоро из них появятся цыплята, из кустов возле домов доносится стрекотание сверчков, а воздух наполнен свежестью.

Эмили вдохнула полной грудью и улыбнулась. У нее хорошая жизнь. Несмотря на все невзгоды, которые выпали на ее долю, когда была маленькой.

Впереди показалась фигура. Эмили напряглась, но через пару секунд расслабленно опустила плечи. Это Рикки. Он возвращается из трактира и направляется прямо к ней.

– Что-то ты поздно бродишь по улице, – проговорил он подходя и широко улыбаясь своими белоснежными зубами.

– Я у портнихи была, – заговорщицки произнесла Эмили и посмотрела на сына столяра.

Тот знал, что девушка у портнихи бывает часто, но задорный блеск в её глазах вынудил его спросить:

– И чего так долго делала моя рыжеволосая подруга у портнихи?

– Заказывала платье, – еще более заговорщицки ответила Эмили.

Он смерил ее озадаченным взглядом и проговорил:

– Ну, вообще-то дело хорошее. Это поистрепалось уже от твоих вечных походов за травами.

Эмили хихикнула.

– Думаю, дорогой Рикки, – сказала она, – платье, которое я заказала совсем не подойдет для походов за травами.

Парень как-то глупо на нее смотрел, явно не понимая, к чему она клонит. Но потом выдохнул, словно решил не брать в голову девичьи бредни и проговорил:

– Слушай, тут вот какое дело. Твой дядя уже давно ведет торговые дела. Даже слишком. Боюсь, как бы сдавать не начал.

– С чего бы он начал сдавать? – сердито спросила Эмили и подозрительно посмотрела на Рикки.

– Да ты не бойсь, – поспешил успокоить ее парень. – Нормально все с ним. Просто я, как бы загодя. Ты мне не чужой человек, Эми, потому предложить ему хочу кое-что...

Возликовать Эмили не успела, как и не успел договорить Рикки.

Воздух задрожал, послышался низких равномерный гул, а со стороны нижнего города густо пахнуло тиной.

Глава 3

Инстинктивно Эмили дернулась к Рикки, ища защиты. Тот с готовностью распахнул руки и прижал ее к себе. От тепла его тела Эмили растаяла. Показалось, что она вот-вот превратится в облачко пара и взмоет в ночные небеса, как та влюбленная девочка из снега, о которой написано в «Легендах старого Обода».

– Что это? – спросила она робко, не решаясь оторваться от такого сильного и надежного Рикки.

– Не знаю, – отозвался он, глядя куда-то в темноту, которая в низовьях города кажется особо темной. – Но лучше отвести тебя домой. Что-то не нравится мне все это.

Рикки отлепил от себя перепуганную Эмили и, цапнув за руку, потащил вверх по брусчатке.

Несмотря на тревогу, Эмили была счастлива. Рикки здесь, Рикки держит её за руку и ведет домой, и Рикки собирается сделать дяде очень важное предложение. И несомненно, оно сделает её самой счастливой девушкой в Ободе.

Когда они добрались до дома, гул повторился, а запах тины стремительно поднялся и теперь заполнил, казалось, весь Обод.

– Не нравится мне все это, – повторил Рикки и потянулся к двери.

В этот момент со стороны темноты низовий послышался топот и тяжелое дыхание. Так мог дышать лишь тот, кто отчаянно куда-то спешит, не жалея ног.

Рикки и Эмили оглянулись, вглядываясь в полумрак пустой улицы. Буквально через несколько секунд на освещенный факелом пяточок выбежал запыхавшийся мужчина. На нем старая рыбацкая куртка, сапоги до колен, блестящие от масляной пропитки, на голове широкополая шляпа из соломы. От бега она съехала назад и непонятно, каким чудом держится на макушке.

Он упер ладони в колени и пару секунд тяжело дышал, потом поднял голову, его взгляд упал на Эмили и Рикки.

– Началось! – закричал он одуревшим голосом, словно это они виноваты в том, что что-то там началось.

– Том-рыбак? – переспросил Рикки, шурясь и вглядываясь в лицо мужчины. – Ты белены объелся? Что с тобой? Что началось?

Глаза у рыбака выпучились, словно у выброшенной на берег рыбы.

– Началось! – с еще большим остервенением закричал он и, наконец, выпрямился. – Надо доложить бургомистру!

Рикки выпустил ладонь Эмили. Хотя ей это не очень понравилось, и подошел к рыбаку.

– Том, – проговорил он ласково, будто разговаривает с полоумным. – ты можешь внятно объяснить, что стряслось? Думаешь, бургомистр будет рад, если на ночь глядя к нему вломится воняющий рыбой мужик и начнет одурело орать?

Рыбак как-то испуганно посмотрел на Рикки, но слова парня явно достигли цели. Рыбак вытер лоб и проговорил дрогнувшим голосом:

– Началось, ты понимаешь, началось.

– Да что началось, раскудрить тебя в копыто? – не выдержал Рикки.

– Тина! – выпалил Том и страшно вытаращил глаза.

Рикки pokrивился, явно не понимая, что несет этот ненормальный рыбак, но тот не сдавался.

– Тина, – повторил он. – Тина, водоросли на берегу! Столько, сколько никогда не видел. Выбросило разом целые горы! Как прежде...

Он испуганно покосился на Эмили. Она стояла, чувствуя, как кровь отхлынула от лица. В голове мигом всплыли рассказы бургомистра о том страшном дне, который сделал ее сиротой, о предвестье паводка, который правильнее называть потопом...

Рикки, видимо, единственный, до кого смысл происходящего дошел не сразу. Он все еще непонимающе смотрел на рыбака, который порывается бежать дальше, но пока не решается обойти широкоплечего детину.

– Паводок, – натужно выдохнул рыбак. – Предвестье паводка. Демон опять голоден...

Рикки, наконец понял, и тоже побледнел. Бросив короткий взгляд на Эмили, которая стоит ни жива, ни мертва возле дверей, он скомандовал:

– Так что ж ты стоишь, остоноп! Беги и ори на всю улицу!

– Да ты ж меня... – начал рыбак.

– Беги! Прямоком к бургомистру!

Больше рыбака упрашивать не пришлось. Отдышавшись, он снова сорвался вверх по улице, на этот раз крича во всю глотку:

– Тина! Началось! Предвестье!

Рикки тем временем подскочил к Эмили и, распахнув двери, буквально втолкнул в дом.

– Надо собирать вещи, – скомандовал он. – Скажи дяде. Я побегу к своим. Нужно уходить в холмы. Я вернусь за вами через пол часа.

С этими словами Рикки выскользнул из дома, оставив оторопевшую Эмили в коридоре.

Она и подумать не могла, что станет свидетелем паводка. После того злополучного дня они больше не случались, поскольку та страшная жертва была вновь принесена. И вот сейчас этот ужас повторяется. Речной демон опять проголодался...

Скрипнула дверь комнаты, из нее показалась голова дяди Рохарда. Он видимо снова уснул за бумагами, и на щеке отпечатались очертания пера.

– Эмили, дорогая, ты вернулась? Я слышал какие-то крики. Все в порядке?

– Дядя, – проговорила Эмили после некоторого молчания, за которое пыталась собраться с мыслями. – Там...

– Что?

– Предвестье, – наконец выговорила она. – Тину выбросило на берег.

Губы дяди Рохарда моментально побелели, но глаза решительно блеснули. Он шагнул в комнату и проговорил быстро:

– Надо собираться!

– Рикки сказал то же самое, – проговорила девушка.

– Он прав. Нужно побыстрее уносить ноги в холмы Милиот, – сказал он и, открыв шкаф, начал вытаскивать какие-то вещи. – Туда вода ни разу не доходила.

Эмили оторопело наблюдала, как дядя бежит по комнате и укладывает в заплечный мешок всё, что по его мнению, необходимо в холмах.

– Но мы же живем в среднем городе, – проговорил она растерянно. – неужели вода может дойти сюда.

Дядя Рохард поглядел на нее через плечо, нервно трамбуя теплые вещи в мешок, и ответил:

– Бывали времена, когда затапливало даже верхний город. Ты не задавалась вопросом, почему у нас все дома из камня? Не дерево, которое так легко добывать? А добротный камень. То-то же, Эмили. Каменные дома легко переносят затопление. В отличие от их обитателей. А мебель – ерунда. Другую настрагаем.

– Но...

Эмили хотел спросить, как же можно вот так взять и оставить свое имущество, но в этот момент воздух пронзил тревожный колокольный звон. Он разносился равномерно и уныло, от чего сразу хотелось плакать.

– Проклятье... – выругался дядя Рохард, что при племяннице делал очень редко.

– Что? Что еще случилось? – спросила Эмили перепугано.

– Бургомистр, – отозвался дядя коротко. – Будь здесь. Никуда не уходи.

Когда Эмили представила, что придется остаться одной, когда в городе творится такое, и страшная волна в любую секунду может накрыть его по самые крыши, её затрясло.

Нервно сглотнув, она произнесла:

– Нет, я пойду с тобой.

– На срочное собрание к бургомистру? – изумился дядя.

– Да.

– Тебя не пустят внутрь, – сказал он, надеясь так отговорить упрямую племянницу от глупостей.

– Я посижу в коридоре, – не отступала Эмили. – Я не стану ждать здесь, пока решается судьба города. Зачем он созывает собрание? Нужно ведь срочно покидать город.

Дядя Рохард тревожно выдохнул, доставая из кармана коробку с папиросами, и сказал:

– Я бы сам очень хотел это знать.

Уговаривать дядю долго не пришлось, он просто не мог тратить столько времени на пустые разговоры, и уже через несколько мгновений они с Эмили неслись вверх по главной улице Обода в сторону дома бургомистра.

Дом показался, едва они вывернули з-за угла. Высокий, в два этажа и с железной крышей, что считалось верхом достатка. Здесь, в верхнем городе обитала вся знать, и крыши из железа были не такой редкостью. Но лишь у бургомистра она была покрыта слоем устойчивой к ржавчине охры особого состава, который достался ему от какого-то мага, проезжающего через Обод.

Эмили редко поднималась в верхний город, хотя Рикки здесь был завсегдатаем. Но в его случае это понятно – он писанный красавец, за которым таскаются все девушки города, а она его подруга детства, которую именно по этой причине здесь видеть не хотят.

Однако сейчас ситуация была критической. И ей было все равно, что скажут девицы. Жаждавшие поскорее окольцевать Рикки.

Но к ее изумлению, никто не выскакивал из домов и не тыкал пальцами на рыжую сиротку.

– Где все? – спросила она, изумленно крутя головой.

– Женщины собираются, – отозвался дядя недовольно, – что вообще-то следовало бы делать и тебе. А мужчины, наверное, уже у бургомистра. Мы слишком далеко живем, вот и бежим последними.

Он сказал это так, словно Эмили была виновата в этом промедлении, но девушка промолчала. Ей вовсе не хотелось смиренно ждать дома, как глупая клуша. Тем более вещей у них не много, дядя свои собрал, а для нее самое необходимое всегда с собой, поскольку часто ходит за травами. Ибо при таком занятии нужные вещи лучше иметь под рукой.

Дядя Рохард не успел постучать, когда массивную дверь дома бургомистра открыл невысокий слуга в черных брюках и черной же рубашке. Он кивком поприветствовал дядю, но когда взгляд упал на Эмили, слуга нахмурился.

Дядя поспешил объяснить.

– Она не будет мешать, – сказал он. – Посидит снаружи.

Слуге это явно не понравилось. Но, видимо, ситуация была слишком опасной, чтобы тратить время на выяснение, и он кивком приказал следовать за ним.

Шли довольно быстро, под ногами поскрипывал ковер, но Эмили успела рассмотреть картины на стенах с изображением лесов, расписные вазы на тумбах и витиеватые подсвечники, которые крепятся прямо к стенам и наполняют коридор желтоватым светом.

Никогда прежде Эмили не видела такой роскоши, хотя, если верить все тем же «Легендам старого Обода», у королей и принцев такие замки, что дом бургомистра покажется рядом с ними сараем.

И все же несмотря на всю опасность ситуации, она не могла не восхититься.

– Вам сюда, – проговорил слуга, обращаясь явно к дяде и намеренно игнорируя Эмили

Он указал на небольшую дверь справа от прохода, а Эмили подумала. Что слуга, вероятно, относится к тем замшелым ханжам, которые скучают по временам женского бесправия.

– Девушка войти не может, – предупредил он, глядя на Эмили как-то искоса.

– Да-да, – отозвался дядя поспешно. – Мы в курсе. Эмили, милая, присядь здесь. Никуда не уходи. Если и есть сейчас в этом городе безопасное место, то оно должно быть похоже на дом бургомистра.

Эмили сдержанно кивнула и одарила слугу улыбкой, делая вид, что не заметила его издевательского тона. Тот сдержанно поклонился и направился куда-то в глубь коридора, скрывшись в темноте через несколько секунд.

– Ты все поняла? Эмили? – снова начал с тревогой дядя.

Но она его остановила и сказала:

– Не стоит так беспокоиться. Иди на собрание, иначе пропустишь самое важное.

Дяде явно не нравилась вся эта затея с собранием, не нравилось оставлять племянницу одну и не нравилось терять время, когда нужно собираться и уносить ноги повыше в холмы Милиот.

Сделав глубокий вдох, он толкнул дверь и вошел. Но, видимо, из-за нервов, слишком плохо ее закрыл, и Эмили, обнаружив щель, прижалась к ней, стараясь охватить взглядом всё.

Комната, куда вошел дядя, оказалась большой и окутанной полумраком. Даже свечи по стенам не могли полностью его рассеять. Стены зачем-то завешаны бордовыми занавесками, хотя даже намек на окна не наблюдалось. Лишь свечи на витиеватых канделябрах.

В середине стол, обитый красной парчой, за ним человек сто не меньше, а во главе бургомистр – мужчина с седыми волосами и щеками, как у шарпея. Он смотрит на всех строго, золотистые пуговицы на камзоле блестят в свете свечей, и Эмили подумала, что за эти пуговицы можно было бы на год запастись дровами.

Бургомистр покосился на дядю строго, словно не доволен опозданием, но не собирается тратить время на нравоучения в такой момент.

– Итак, – начал он. – Мы все понимаем, почему собрались здесь. Сегодня пришли дурные вести. Очень дурные. Такого не было больше десяти лет...

– Почти восемнадцати, – поправил его кто-то.

Бургомистр одари говорящего недовольным взглядом, но продолжил:

– Давно этого не было. Как вы уже знаете, на берег выбросило тину. Если верить рассказу рыбака, столько тины он не видел никогда в жизни, а это может значить лишь одно. Речной демон вновь пробудился.

Мужчины загалдели, обсуждая речного демона, его жадность и беспощадность. Бургомистр дал им немного выговориться, но потом вскинул ладонь.

– Господа, – проговорил он протяжно, – господа, соблюдайте порядок. Мы не можем тратить драгоценное время на пустую болтовню.

Один из присутствующих поднял руку и, не дожидаясь разрешения, сказал:

– Тогда что мы делаем здесь, если не в пустую болтаем? Нам следует со всех ног сейчас мчаться в холмы Милиот и тащить тужа свои семьи.

Дядя Рохард кивнул, а сидящий рядом мужчина произнес:

– Нордил дело говорит. Чего нас созвали? В такой момент надо делать ноги, а не языками трепать. Мобуть у вас тут в верхнем городе и принято в опасности балаган разводить, но мы люди простые. Нам делом надо. А самое главное дело сейчас – улепетывать подальше.

Мужчины снова за шумели, кто-то кивал, другие качали головами, третьи грозили кому-то кулаками в воздухе.

Бургомистр вновь дал людям выпустить пар, хотя по его лицу Эмили поняла – ему явно не нравится этот балаган. Она еще в начале обратила внимание, что за столом сидит очень разношерстная публика – начиная от рыбаков, заканчивая ювелирами. И Эмили могла только гадать о причине, заставившей их собраться под одной крышей.

– Господа, – наконец снова заговорил бургомистр, – вы совершенно правы, говоря о действиях. И можете мне поверить, именно для них мы здесь и собрались.

– Да какие ж это действия, если мы балаболим тут сидим? – возмущенно спросил мужчина, которого называли Нордилом. – Бежать надо, а там хоть уболтайтесь.

Послышался общий вдох, видимо мужчины снова хотели заговорить, но бургомистр не дал им этого сделать.

– Ну хорошо, – проговорил он. – Предположим, мы сейчас сбежим. А что потом? Хотя город за время благоденствия и отсутствие паводков разросся так, что вряд ли за день успеет очиститься весь. Но пусть, предположим. А дальше что?

Все молчали, глядя на бургомистра исподлобья, как нашкодившие дети.

Тот продолжал:

– Вы должны помнить, хотя и не все, что паводки прежде были очень частыми.

С разных концов стола слышались угрюмые вздохи.

– Да помним...

– Помним...

– Так вот, – сказал бургомистр, – эти паводки уносили жизни очень многих. Слишком многих. Мы не всегда успевали уйти в холмы, а последний паводок и все оказался настоящей катастрофой. Если брать его во внимание, сейчас мы даже не знаем, сколько у нас времени.

Мужчина в зеленом сюртуке проговорил:

– Это верно. Тогда паводок пришел сразу с тinou. Даже опомниться никто не успел. Людей потопило тогда...

Бургомистр кивнул.

– Именно. И это все происходило из-за нашего невежества. Но, как вы помните. Наш славный город Обод посетил маг и он открыл нам, как можно значительно уменьшить потери от этого кошмара.

Мужчины притихли, Эмили вся превратилась в слух. Даже она знала, каким образом был достигнуто такое длительное благоденствие, и от осознания этого по позвоночнику пробежали мурашки.

Бургомистр, тем временем продолжал:

– Вы все должны понимать, если паводки возобновятся, это будет значить ли одно. Демон снова голоден. От требует жертву. И только принеся ее мы сможем спасти наши семьи и наш город.

– А как же семья того, кто пожертвует своим отпрыском? – выкрикнул мужчина в красном. – Как быть с тем, кому придется пожертвовать ради общего блага?

Бургомистр вздохнул так тяжело, словно на него опустилась гора.

– Поверьте мне, господа, – сказал он, – это вовсе не то решение, которое я бы хотел принимать. Будь моя воля я бы с удовольствием переложил обязанности бургомистра на... да хоть Нордила. Пусть он принимает эти страшные решения, из-за которых потом не уснуть... У меня тоже дочь, и она тоже ещё не за мужем. И, что более важно. Невинна. Так что, господа. Я

в том же ужасном и отчаянном положении. Но мы должны понимать, ради чего эта жертва. И лишь она может спасти сотни человеческих жизней не только сейчас, но и на много лет вперед.

Повисла тяжелая пауза. Такая тяжелая, что Эмили буквально ощутила, как загустел воздух, как он с трудом протискивается в легкие и с таким же трудом их покидает.

С холодком первобытного страха она ощутила, что находится в не самом лучшем положении. И теперь прижалась к двери ещё сильнее, боясь пропустить что-то важное.

Глава 4

Мужчины молчали. В этом молчании Эмили буквально ощущала. Как трещит воздух. Затем один из них, седой, как постаревший одуванчик, глубоко вздохнул и проговорил:

– Нужно тянуть жребий. Робяты, бургомистр прав. Некоторые из вас не помнят, а я помню. Паводок страшное дело. Гибнет скот, гибнут люди... Это страшная жертва. Но без нее Ободу не выжить. Вы все это понимаете. Мы все понимаем...

Вновь повисло молчание, в котором девушке казалось, что сердце стучит прямо в ушах. Спустя минут пять, другой мужчина всё так же молча поднялся и подошел к небольшому комоду возле бордовых занавесок.

Выдвинув полку, он достал какой-то мешочек и вернулся за стол. Мешочек оказался на его середине, и все с нескрываемым напряжением уставились на него.

– Нужно тянуть, – сказал бургомистр, глядя на мешочек так, словно оттуда вот-вот покажется сам речной демон. – Но сперва вспомним, как это делается. Отцы и поверенные всех дев, достигших четырнадцати лет, тянут из мешка соломинки. Они все одной длинны, кроме двух. Они короче. На обладателя самой короткой возлагается страшная и необходимая миссия... Вторая, чуть длиннее, но короче остальных, на случай... Непредвиденный случай.

По залу прокатился тяжелый вздох, бургомистр потянул край ворота, словно ему резко стало жарко, и продолжил:

– Если ни у кого нет вопросов и возражений, предлагаю начать. Промедление не терпит.

– Возражения есть у всех, – отозвался Нордил, – но у нас нет выбора. Потому начнем.

Он первым сунул пальцы в мешочек, а когда вынул на его лице отразилось такое облегчение, что Эмили ощутила его почти физически.

Один за другим мужчины стали запускать пальцы в мешок и вытаскивать, одни открывали ладонь сразу, другие медлили, третьи глядели на соседей, ожидая, когда те первые посмотрят.

Но внимание Эмили было приковано к дяде Рохарду, и когда он с облегченным выдохом откинулся на спинку стула и вытер вспотевший лоб, она ощутила, как с плеч скатилась гора.

А потом по залу прокатился едва слышимый, но такой пронзительный и полный печали стон, что она вздрогнула.

– Орелия...

Бургомистр разом побледнел и осунулся, отвалившись на спинку стула. Остальные мужчины смотрели на него с сочувствием, но во взгляде каждого читалось облегчение. Самое страшное облегчение, которое Эмили доводилось видеть.

Покачиваясь и держась за стол, бургомистр поднялся и прошел куда-то в угол. Послышался звон стекла и бульканье, затем он вернулся с прозрачным стаканом в одной руке и бутылкой в другой. Под молчаливые взгляды он залпом осушил вначале стакан, затем припал к горлышку и стал шумно пить.

– Бургомистр, обожжешь... – проговорил кто-то, видимо пытаясь его неумело успокоить, – виски же...

Но бургомистр пил, словно в бутылки вода и он не чувствует жгучей горечи, которая опалает его глотку. Спустя минуту глава поставил бутылку на стол, и по его лицу Эмили с холодком поняла – бургомистр трезв, как самый чистый горный хрусталь.

– Мне нужно ей сказать... – прохрипел он, поскольку горло все-таки пострадало от крепкого напитка. – Позовите слугу. Кто-нибудь, демон вас дерит, позовите слугу... Ребекка не вынесет, моя жена не вынесет... Помогите нам боги...

В зале зашелестело. А через секунду Эмили больно приложили дверь в лоб. Она отлетела, ухватившись за ушибленной место, а в проходе появился бородачатый мужчина.

Он строго посмотрел на нее и проговорил:

– Ты чего тут делаешь?

– Жду дядю, – испуганно ответила Эмили. – Я племянница Рохарда.

Бородач кивнул как-то понимающе, а потом крикнул в коридор:

– Слуга! Сюда быстро!

Слуга возник из неоткуда, словно отлип от стены и вышел из тени. Он споро подбежал к бородачу, успев одарить Эмили, которая всё ещё сидит на полу, недовольным взглядом.

– Да господин, я здесь господин, – быстро отчеканил слуга.

– К бургомистру, – коротко приказал бородач, пропуская его в дверь.

Тот скользнул ужом, и дверь на этот раз закрылась плотнее. Поднявшись, Эмили снова потрогала лоб и, удостоверившись, что шишки не будет, вновь наклонилась к двери. К ее большому сожалению, теперь слов было не разобрать. Она лишь поняла, что бургомистр отдает какие-то распоряжения.

Когда слуга вышел и удалился, Эмили полагала, что мужчины тоже сейчас повалил толпой из зала. Но внутри было тревожно и тихо. Она даже представлять не хотела, что испытывали люди за этой дверью. И ещё больше не хотела знать ощущений бургомистра. Отдать единственную дочь в жертву ради спасения города – страшный и великий поступок. Но его величие не умаляет трагедии, которая обрушилась на их дом.

Эмили переделернуло. С Орелией у нее никогда не складывались отношения. Впрочем, с Эмили вообще мало кто соглашался общаться, считая её слишком странной. Девушка, которая собирает по лесам травы, простоволосая, да к тому же когда эти волосы пламенно-рыжего цвета у большинства вызвали опасение.

Орелия не была исключением. К тому же в числе прочих, вешалась на шею Рикки. Но даже для неё такая участь слишком страшна.

В коридоре послышались шаги, Эмили вгляделась в темноту. Через несколько секунд на освещенную факелами дорожку в сопровождении все того же чопорного слуги вышла Орелия.

Как всегда, эффектная, с волнистыми волосами цвета свежей соломы, грудь колыхается при каждом шаге, дорогая юбка струится по ногам до самого пола. На щеках играет румянец, а губы, и без того полные, припухли, словно их уже кто-то мял.

Когда они оказались у двери, Эмили проговорила, надеясь хоть так поддержать её:

– Здравствуй Орелия. Ты прекрасно выглядишь.

Но та даже не удостоила её взгляда, лишь дождалась, когда слуга откроет дверь и вошла внутрь.

Чтобы слышать разговор, Эмили успела просунуть носок между дверью и косяком, когда ту закрывали, и теперь вновь могла видеть и слышать, что творится в зале.

Блондинка остановилась на середине и замерла с гордо выпрямленной спиной под тяжелыми взглядами мужчин.

– Папенька, вы посылали за мной? – спросила она.

Бургомистр смотрел на неё дурными глазами, сжав стакан до белых костяшек.

– Посылал... – прохрипел он.

– Тогда я вовремя вернулась, – отозвалась Орелия с некоторым беспокойством. – Мы с маменькой слышали о вести и уже собрали сумки. Обоз укладывают. Осталось отдать распоряжения пастуху, чтобы гнал овец в горы.

– Орелия... – попытался заговорить бургомистр, но слова словно застряли у него в горле, он закашлялся.

Блондинка явно встревожилась. Она сделала шаг вперед и проговорила торопливо:

– Папенька, с вами все хорошо? Я велю слуге принести воды. Или что пожелаете. Вы не переживайте, папенька. Мы уже почти закончили подготовку к вывозу. Даже ваши вещи уложены. Книги и свитки в отдельном обозе, как вы и завещаете всегда.

При этих словах многие мужчины в зале покосились на бургомистра с осуждением. Эмили понимала почему. Большинство жителей Обода бегут почти налегке, бросая пожитки и нажитое добро с расчетом на то, что кое-что в доме все-таки останется. А не останется – значит, придется зарабатывать снова, тяжким и упорным трудом. А бургомистр вывозит книги в отдельном обозе...

Разумеется, Эмили считала, что книги очень важно спасти, но когда дело касается стремительного побега, от которого зависит жизнь, она бросила бы даже половник, подаренный Рикки.

– Дочка... – снова начал бургомистр, но блондинка не дала ему продолжить.

– В пассажирскую карету запряжены две лучшие лошади, – щебетала она. – Они доставят нас на холмы Милиот за пол часа. Там уже готовят наш загородный дом. Мы переживем паводок и даже его не заметим. Даже не знаю, папенька, зачем понадобилось меня звать. Маменька хорошо научила меня, как действовать, если явилось предвестье. Я бы лучше пошла дальше собираться, папенька. Ехать все-таки в гору...

– Ты не едешь, – наконец выдохнул бургомистр и рухнул на стул.

Орелия непонимающе вытаращилась на отца и захлопала пушистыми ресницами.

– Что значит, не еду? – изумленно спросила она.

Эмили видела, как тяжело бургомистру. Он выглядел так, словно его прожевал и выплюнул горный тролль. Морщины углубились, под глазами пролегли круги, губы побледнели, а сам бургомистр разом постарел на десять лет.

– Орелия, дочка... – сказал он перехваченным голосом. – Жребий...

Девушка все еще не понимающе таращилась на отца. Но потом ее лицо постепенно стало вытягиваться, глаза круглеть, а рот раскрываться.

– Что-о... – выдохнула она и покачнулась.

Она бы упала, если бы слуга рядом не подхватил ее и не усадил на стул.

– Жребий, – повторил бургомистр. – Ты знаешь, он беспристрастен и выпал на тебя.

– Но... – оторопело, словно еще не верит в произошедшее, выдавила Орелия. – Как это... Я же дочь... Ты же бургомистр...

– Пред лицом опасности мы все равны, – проговорил бургомистр обескровленными губами.

Повисла пауза, в которой Эмили почти слышала, как скрипят шестеренки в голове у дочери бургомистра. Та сидела, медленно бледнея и сжимая пальцами юбку.

Бургомистр тем временем продолжал загробным голосом:

– Речному демону нужна жертва. Он вновь подал знак, тина и водоросли затопили весь берег. И мы не можем ему позволить вновь совершить паводок. Орелия...

Он запнулся, словно невидимая рука сдавила его горло, затем прокашлялся и продолжил под сочувственными взглядами остальных:

– Ты не хуже меня знаешь, какие разрушения он приносит. Это катастрофа. Именно катастрофа. И лишь в наших силах её предотвратить...

– И ты готов отдать меня этому монстру? – еле слышно пролепетала Орелия.

Бургомистр покачал головой.

– Не готов, – сказал он. – К такому нельзя быть готовым... И я бы все сделал, чтобы этого не произошло. Потому, что я твой отец. Но еще я бургомистр Обода. Я отвечаю за него и за всех людей, живущих в нем. Мы отвечаем...

Орелия, наконец вздрогнула, словно смысл происходящего до нее дошел. Она вскочила и прокричала, страшно выпучив глаза:

– Что значит мы? Что значит мы! Папенька! Вы умом тронулись!

Бургомистр смотрел на дочь не мигая, словно превратился в восковую куклу, которой никак нельзя испытывать эмоции, иначе она растает.

– Это значит, Орелия, – сказал он мрачно, – что принадлежать к семье бургомистра предполагает не только разъезды в каретах и покупку модных нарядов. Это ответственность. И я не могу пренебречь ею.

– Папенька! – взвизгнула Орелия, становясь цвета выбеленной стены. – Ты не посмеешь! Не посмеешь так со мной поступить! Я твоя дочь! Ты должен меня защищать!

– Я защищаю не только свою дочь, но и каждую дочь Обода, – загробно проговорил бургомистр, словно заучил эту фразу именно на такой случай. – Каждая дочь Обода – моя дочь. И я должен принять это страшное решение. Жребий брошен. Мы ничего не можем сделать, Орелия...

– Ты должен спасти меня! – в отчаянии закричала Орелия, из ее глаз брызнули слезы, и Эмили ощутила, как по её щекам тоже текут горячие дорожки.

Бургомистр кивал, словно самому себе, убеждаясь, что все делает правильно, его губы что-то бормотали. Но потом он проговорил уже громче:

– Орелия, нет смысла спорить. Жребий брошен и вытянут в присутствии всех этих мужчин. Не хочу казаться героем. Поверь, происходил это тайно, я бы нашел лазейку. Я бы придумал, как не пустить тебя. Как уберечь от этой жертвы. Но все произошло здесь...

– Как ты мог... – разрыдалась Орелия. – Ты должен был предвидеть, ты... Ты...

По лицу бургомистра было видно, что он с трудом держится, чтобы не завывать в голос. Пальцы так сильно сжали стакан, что по нему разошлась паутина трещин, он в кровь кусал губы, но продолжал сидеть в кресле бургомистра. И несмотря на весь ужас происходящего, Эмили ощутила глубокое уважение к этому человеку.

Никто не решался вмешаться судьбоносный разговор отца и дочери. Даже Нордил, который прежде всё время что-то выкрикивал, притих и круглыми глазами взирает то на Орелию, то на бургомистра.

Тот проговорил все так же тяжело:

– Речному демону нужна дева. Невинная и непорочная дева, и лишь так он меняет гнев на милость.

Орелия смотрела на отца, и лицо её вдруг начало медленно меняться. Из бледного оно становилось розовым, а когда щеки побагровели, спросила дрогнувшим голосом:

– Невинная и непорочная?

– Ты не хуже меня знаешь закон, – отозвался бургомистр.

– Но...

– Не терзай больше мне душу, Орелия, – проговорил он, вытирая лицо. – Я не знаю, кому из нас хуже...

– Несомненно мне, – вдруг резко бросила Орелия. – Это же не тебя отправляют на казнь!

Бургомистр поднял усталый и какой-то затравленный взгляд.

– Не казнь, – поправил он. – Жертву...

Губы Орелии искривились, она выкрикнула:

– Какая разница, как называть этот ужас! Отец, прошу, подумай...

– Уже все решено...

– Но демон не примет мою жертву! – выпалила наконец Орелия.

По залу прокатился испуганный вздох, все застыли, в воздухе повисло напряжение. Эмили тоже собралась, словно готовится к прыжку.

Бургомистр непонимающе вытаращился на дочь.

– Что? Что ты говоришь, Орелия? – спросил он.

Девушка повторила:

– Я говорю, папенька, что речной демон не примет меня в качестве жертвы.

– Почему ты так решила? – поинтересовался отец, и Эмили в голосе бургомистра уловила явную надежду.

Орелия колыхнула головой, откидывая за спину косы, похожие на канаты и проговорила:

– Демону нужна невинная и непорочная.

После этих слов она внимательно посмотрела на отца, но тот, словно не понимал, к чему она клонит. Тогда девушка вдохнула и сказала на выдохе:

– Речной демон не примет моей жертвы потому, что ему требуется девственница. А я таковой не являюсь.

В любое другое время такое заявление означало бы несмываемый позор на голову девицы, десяток ударов плетью по пяткам, пожизненное наказание, крики и угрозы... Но сейчас на лице бургомистра читалось лишь одно чувство. И это чувство называлось облегчение.

Не то облегчение, которое испытывают люди, донося тяжелую сумку из лавки домой. Нет. Это было облегчение великана, держащего гору, к которому внезапно пришла смена, и он передал непосильную ношу на другие плечи.

Мужчины тревожно зашептались, Орелия победно смотрела на них, словно выстояла против армии врага. Хотя это почти так и было. Бургомистр тяжело дышал, шаря взглядом по столу, будто там мог найти нужные слова.

Наконец, дар речи к нему вернулся, он проговорил дрожащим от нервов голосом:

– То есть, как... Ты не невинна? Но кто... Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения.

– Именно, – согласилась Орелия, вскинув подбородок.

Ропот тем временем нарастал. Когда он достиг точки, где превратился в шум, Нордил резко поднялся и выкрикнул:

– Но если Орелия не годится, тогда кто?

Бургомистр кивнул и показал ладонью, чтоб тот сел. Когда мужчина занял свое место, глава проговорил:

– Справедливый вопрос. Согласно правилам, записанным в уставе Обода, если после вытягивания жребия выбранная оказывается не годной, очередь переходит к тому, у кого оказалась вторая укороченная соломинка.

Все закивали, а по залу прокатился сдавленный стон.

Этот стон принадлежал Рохарду.

Глава 5

Эмили не сразу поняла, что произошло и почему ее дядя так побледнел и отвалился на спинку стула. Лишь, когда сидящие рядом мужчины стали сочувственно похлопывать его по плечу, волна тревоги стала медленно подниматься откуда-то снизу. И, по мере того, как она поднималась, до Эмили стало доходить то, чего не может быть.

Но когда дядя Рохард обернулся, сердце Эмили ухнуло и упало куда-то в бездну.

– Нет... – прошептала она побелевшими губами, чувствуя, как мир перед глазами начинает плыть.

Лишь каким-то чудом она удержалась на стуле, вцепившись в спинку так сильно, что побелели костяшки. В голове не укладывалось ничего из произошедшего. Она собирается за муж, она хочет сказать «да» Рикки, её Рикки... Он сделал ей сговорный подарок... Она заказала платье у старой Аронды...

Будто сквозь пелену она видела, как поднялся со стула дядя, как он покачиваясь, на подкашивающихся ногах двинулся к двери. Он шел, а Эмили казалось, что приближается её погибель в облике родного дяди.

Дверь скрипнула и отворилась, дядя Рохард посмотрел на племянницу стеклянными глазами и захлопал губами. Он явно пытался что-то сказать, но получалось лишь открывать и закрывать рот, как у выброшенной на берег рыбы.

Наконец он сипло выдохнул:

– Эми...

– Дядя...

– Жребий... – выдавил он, даже не пытаясь сдержать слез, которые заблестели в уголках глаз. – Он пал...

Эмили слышала его голос, словно во сне – он эхом доносился откуда-то издалека и убегал в такую же не туманную даль. Сердце стучало все громче, отдаваясь гулкими ударами в барабанных перепонках, голова потяжелела, тело перестало слушаться, и она упала на спинку стула, вытаращившись на дядю непонимающим взглядом.

– Я всё слышала... – прошептала она. – Я всё слышала...

– Эми...

– Как же мое платье... – лишь смогла произнести она даже не поняв, как глупо это сейчас прозвучало.

Что происходило потом она понимала с трудом. Кто-то куда-то её вел, она падала, ноги подкашивались, но беспмятство упорно не хотело накрывать, чтобы избавить от этого кошмара. Ей говорили какие-то слова, но они долетали обрывистым эхом, моментально растворяясь.

Пару раз мелькнуло лицо Орелии, которая выглядела встревоженной и счастливой одновременно. Эмили показалось, что дочь бургомистра просила у неё прощения, плакала, говорила что-то ещё, но смысл слов терялся в сером тумане.

На какое-то время она, вероятно, всё же отключилась, потому что вдруг обнаружила себя в широкой ванне, а три девушки одна из которых Орелия, тщательно трут её тело мочалками. Мысли путались и тонули в вязком тумане.

– Прости меня, Эмили, – не переставая повторяла дочь бургомистра. – Я не могла подумать... Я не знала, чем всё кончится. Это была такая безделица. Я не представляла...

– Замолчи, Орелия, – огрызнулась на нее вторая девушка, а Эмили с трудом узнала в ней Меридит и не поняла, зачем всё это и почему её моют, как беспомощную куклу. – Лучше три усердней.

Орелия выглядела ужасно. Никогда прежде Эмили не видела, дочь бургомистра с таким красным носом и опухшими глазами. Орелия постоянно шмыгала и вытирала щёки тыльной стороной ладони.

– Меридит, ты не понимаешь, – продолжала Орелия, и принялась с таким рвением натирать коленку Эмили, что у нее вспыхнули искры перед глазами, – на ее месте должна была быть я...

– Радуйся, дура, – рявкнула Меридит. – Не знаю, когда ты успела, но твоя распущенность сыграла тебе на руку. Благодарю за неё богов. И поменьше болтай. Гляди, Эмили смотрит.

Эмили действительно смотрела на дочь бургомистра, но понять, что та несёт не могла. Да и откуда, если они никогда не общались. Орелия никогда не снисходила до общения с простыми горожанами, а теперь она самолично моет ей ноги, рыдает и просит простить.

– Что происходит?... – спросила Эмили и ужаснулась тому, как слабо пропищал голос.

– Не напрягайся, – скомандовала Меридит. – Тебе надо отдыхать. Скоро церемония.

Эмили попыталась вспомнить о, какой церемонии идет речь, но в голову приходила только свадьба с Рикки. В голове опять поплыл серый туман, она потрясла ею и сказала:

– Я не понимаю...

– Тише, девочка, – снова проговорила Меридит. – Нет смысла кричать и препираться. Речной демон это вряд ли оценит. А ты спасешь весь Обод.

Осознание происходящего вернулось яркой вспышкой, от которой в груди заболело так, что захотелось взвыть. По всей видимости, она действительно взвыла, потому что девушки на секунду отшатнулись, выпучив глаза.

Первой в себя пришла Меридит.

– Ну, чего встали? – шевелитесь. – Давайте быстрее, пока она истерику не закатила. Благо еще что сюда дотащили без проблем.

– Ее дядю тоже... – кротко заметила третья девушка, которую Эмили не знала, но пару раз видела на базаре.

– Немудрено, – отозвалась Меридит, больно выжимая волосы Эмили, – родную племянницу речному демону отдает.

Эмили слушала их разговор и все отчетливее осознавала происходящее. После известия о том, что на нее указал жребий, она едва не лишилась чувств, а собственный ум отказался что-либо понимать.

Всё ведь было так хорошо. Рикки подарил ей стоворный подарок, платье. Но потом все одним часом перевернулось, явился рыбак, кричал про тину. А затем жребий, павший на Орелию, по какой-то жуткой случайности перескочил на неё, Эмили. Невинную жертву сладострастных походов дочери бургомистра.

От этой мысли Эмили ощутила, как внутри всё закипает. Все ещё слабая от шока, она перевела тяжелый взгляд на Орелию и проговорила, едва сдерживая слезы:

– Это не справедливо...

От её взгляда Орелия отшатнулась и едва не свалилась со скамейки.

– Эмили... – проговорила она сдавленно. – Я уже просила прощения. Я еще раз попрошу. Прости меня. Я не знала. Не знала. Никто не знал, что будет предвестье... Паводков не было так давно...

Меридит послала ей гневный взгляд и рявкнула:

– Да замолчи уже! Даже Эмили столько не ревет, сколько ты. Не можешь свои сопли в носу держать, иди платье готовь. Нечего нам деву нервировать.

Хлюпая носом и всхлипывая, Орелия кое-как поднялась и, споткнувшись о табуретку, скрылась за дверью.

Эмили действительно не плакала. Она с трудом верила в то, что это действительно произойдет. Ее, жизнерадостную травницу, которая лишь желала счастья со своим любимым вдруг отдадут в жертву речному демону. Чудовищу, которое только и может, что топить людей и скот. В жертву, для блага остального города. И каким бы самоотверженным ни казался этот поступок, Эмили не верила, что это происходит именно с ней.

Все в том же полубреду, вероятно Меридит все же подлила что-то в воду, Эмили вытащили из ванной и насухо вытерли.

– Не знаю, зачем это надо, – бормотала Меридит, растирая ей бедра. – Он же речной демон. Какая разница, грязная жертва или нет. В воде всё одно отмоеся.

Третья и незнакомая девушка ответила, высушивая пушистым полотенцем шикарные волосы Эмили:

– Того требует ритуал. Если его не соблюсти, речной демон может не принять жертву. И тогда точно жди беды.

– Ерунда какая... – буркнула Меридит.

Когда Эмили, закутанную в полотенце провели в комнату, на кровати обнаружилось белое платье, расшитое речным жемчугом. В груди растеклась горечь. Именно это платье заказала она у старой портнихи на свадьбу с Рикки. Её милым Рикки.

И теперь всё кончено.

Мелькнула мысль, что Рикки мог бы быть здесь, провожать её в нелегкий путь и поддерживать в самый трудный момент. Но додумать она не смогла, потому что душевная боль стала такой невыносимой, что она упала на колени и, наконец, зарыдала.

Она рыдала отчаянно и с подвыванием, как могут лишь обреченные, которые знают, что их ничто не спасет. Грубая и резкая Меридит опустилась рядом с ней и к неожиданности всех обняла её за плечи и успокаивала, как могла.

– Плачь, девочка, – говорила она, гладя Эмили по голове. – Плачь. Станет легче. Главное помни, то, что ты делаешь – великое свершение. Тебя запомнят, как героиню. Как спасительницу. Ты не канешь в лету, как почти каждый в этом городе. Ты останешься в веках. Твоя жертва не напрасна. Великая жертва...

Эмили не знала, сколько прорыдала на руках у Меридит, с которой у нее тоже всегда были неважные отношения. Теперь эта грубая и неотесанная кухарка единственная, кто успокаивает её и помогает не лишиться чувству прямо здесь. Эмили даже думать не хотела, где сейчас дядя и Рикки. Такое испытание могло оказаться для них слишком тяжелым...

Орелия тоже рыдала. Вместе с третьей девушкой они обнялись и рыдали уже вдвоем. Даже Меридит дрожала и всхлипывала, прижимая к себе Эмили.

Когда слезы кончились и пришло безысходное смирение, Эмили нарядили в платье. Пристенное, с длинными облегающими рукавами и сетчатой горловиной до самой шеи, оно струилось по ногам. Речной жемчуг переливается в свете свечей, рыжие, глубокого медного оттенка волосы были расчесаны и ниспадают крупными волнами на плечи. Ноги остались босыми, в знак смирения перед природой.

Девушки смотрели на неё широко распахнутыми глазами. Третья тяжело вздохнула, но все же с восторгом проговорила:

– Какая красивая... Как солнышко...

Но Эмили чувствовала себя не солнцем, а, скорее, лучиной, которая вот-вот погаснет.

Когда они вышли на улицу, оказалось, что у дверей собрался весь город. Впереди стояли бургомистр, дядя, а чуть поодаль Рикки. Он посмотрел глазами побитой собаки, лицо исказилось, и он отвернулся, будто не в силах на нее глядеть.

Эмили подумала, что он сейчас испытывает не меньшую боль, чем она. Дядя был бледный, глаза мутными, видимо его крепко напоили, иначе он просто не вынес бы этой процессии. Бургомистр тоже выглядел неважно. Черные круги под глазами, заостренные черты...

Люди выстроились в живой коридор и бросали лепестки водяных лилий ей под ноги, пока ее вели вниз по брусчатой дороге. Холодный камень обжигал ступни, но Эмили было все равно. Если бы холодные ступни сейчас были самой трудной проблемой, она без сомнения бы променяла ее на то, что сейчас творится.

На небе возшла луна, полная и белая, словно глаз одного из богов, которым он взирает на мир. Ночной воздух остыл, но Эмили не чувствовала холода. В голове стало пусто, как в покинутом всеми доме, куда никто не планирует возвращаться.

Некоторые женщины пели песнь речного демона, которая должна помогать его задабривать, продолжали сыпаться лепестки...

Когда процессия достигла берега, Эмили, наконец, ощутила сильный запах тины. Он сопровождал ее во время всего пути, но обратила внимание на него она лишь сейчас.

На самой кромке пролегла широкая, темно-зеленая полоска. Зато дальше вода была сплошь черной. Сверкающая лунная дорожка протянулась от середины реки до самого берега, а небольшие волны сверкают гребешками. В любой другой день Эмили насладились бы красотой. В любой другой. Но не теперь.

Она застыла на песке, чувствуя, как крупинки холодят пятки, а бургомистр вышел вперед и громогласно проговорил:

– Горожане! Жители Обода! Сегодня у нас непростой день. Речной демон. Он вновь пробудился.

По толпе прокатился шепот согласия, бургомистр продолжил:

– И мы все знаем, что это значит. Мы бы никогда не успели вывести весь город, ведь он так вырос за последние годы. Остается верить, что с жертвой мы вовремя...

Бургомистр закашлялся и с сожалением посмотрел на Эмили. В его взгляде смешалась мука и облегчение за то, что в этом свадебном платье стоит не его дочь. Пусть обесчещенная и распутная, но живая.

– Начнем же призыв, – скомандовал он. – Знахарь, твори свое колдовство.

Из толпы между людей протиснулся приземистый мужчина с маленькими глазами и очень широким ртом. Именно с этим знахарем Эмили старалась общаться поменьше. Он казался ей неприятным и всегда бросал на нее странные взгляды, совсем не похожие на те, какие бросают мужчины на женщин. Скорее в его глазах читался интерес лекаря, которому не терпится изучить пациента. Изнутри.

Вздвигнув, Эмили наблюдала, как знахарь приблизился и, цапнув за руку, подтащил к самой кромке.

– Тебе следует быть здесь, – сказал он бесстрастно.

Эмили покосилась на него. Знахарь выглядит так, словно происходящее для него не больше обыденного перекладывания мешков с порошками.

Замерев, Эмили с тяжелым сердцем наблюдала, как он очертил вокруг неё круг с помощью голубоватого порошка. Затем от этого круга отсыпал дорожку в сторону и убрал мешочек.

Все застыли, словно ожидая команды. Эмили, несмотря на весь ужас, тоже повернулась. Наконец, знахарь вскинул длани и воскликнул:

– О великий речной демон! Прими наш дар! Прими его и даруй нам мир и процветание! Смилуйся над скромными жителями Обода и избавь их от твоих паводков, которые губят людей и скот! Прими дар!

Люди взяли за руки и хором повторили:

– Прими дар!

Их голос прозвучал гулко и зловеще в ночном воздухе, а знахарь чиркнул огнивом и поднес к дорожке порошка. Тот мигом вспыхнул и прополз вперед, а через пару секунд Эмили уже стояла в круге голубого огня, который не обжигал.

Знахарь вновь воскликнул:

– Вот наш дар! Юная и непорочная дева! Она очищена водой и голубым пламенем. Прими ее и даруй нам мир! Прими дар!

Толпа вновь повторила гулким хором:

– Прими дар...

Знахарь сделал какие-то знаки руками, и люди вдруг затянули песню. Она звучала протяжно и без музыки казалась жуткой. Эмили горько улыбнулась. Ситуация действительно настолько жуткая, что даже в самых страшных кошмарах не могла присниться. И самое ироничное, что свадебное платье она все-таки надела. Правда не для того, для кого хотела.

Речной демон. Ее поглотит речной демон...

Эмили вдруг ощутила позыв сбежать, спрятаться, умчаться подальше от Обода и всего, что с ним связывает. Только Рикки... Рикки, любовь всей ее юности. Он останется здесь. Или может он убежит с ней, и они, наконец, будут счастливы. Подальше от Обода и от речного демона.

Поддавшись порыву, она дернулась, но наткнулась на стену голубого огня. Он не обжигал, но стоило к нему приблизиться, по телу пронесли болезненные молнии. Лишь теперь Эмили поняла, для чего это пламя. Оно не даст ей малодушно сбежать.

От этого сбежать хотелось все сильнее. Эмили закричала:

– Помогите! Рикки! Дядя Рохард!

Но в ответ донеслась лишь песня, которая с каждой секундой становилась всё настойчивей и громче. Сквозь языки голубого пламени видно, как люди раскачиваются в стороны. Одни смотрят на нее, другие закрыли глаза.

Но Эмили искала Рикки. Найдя его в самом конце шеренги, она вновь закричала:

– Рикки! Спаси меня!

Ответом был скорбный взгляд полный сожаления и необъяснимой вины.

А потом позади забурило.

Резко обернувшись, Эмили застыла, не в силах оторвать взгляда от жуткого и завораживающего зрелища.

Середина реки пошла волнами. Они возникают в центре невидимого круга и, словно спины горбатых рыб, расходятся в стороны.

На берег с шумом накатилась вода. Эмили было отшатнулась, но вновь наткнулась на стену голубого пламени. Вскрикнув, она обхватила себя за плечи. Середина реки, тем временем, продолжала подниматься, серебрясь в лунном свете, а песнопение за спиной достигло такой силы, что весь мир заполнился голосами поющих.

– Я не хочу... – прошептала Эмили.

В этот момент из центра реки поднялась волна, больше похожая на гигантскую водяную ладонь, и помчалась прямо к ней.

Эмили закричала, песня призыва достигла своего апогея, взорвавшись призывами принять дар. Когда волна оказалась над ней, Эмили лишь успела инстинктивно выставить ладони.

А затем холодная вода накрыла с головой.

Глава 6

Её кружило и швыряло, вода заливалась в рот нос. Даже казалось, сквозь кожу она тоже проникает. Эмили отчаянно пыталась плыть, хотя не понимала, где верх, где низ. Такое красивое и долгожданное на суше платье сейчас лишь мешало, путаясь в ногах и не давая двигаться.

Она чувствовала, как в легких стремительно кончается воздух, как они начинают нестерпимо гореть, но продолжала бороться, даже не понимая – с чем. В голове успело промелькнуть, она действительно погибнет, станет жертвой речного демона, так и не познав счастья настоящей любви с её милым Рикки. Рикки, который стоял в самом конце шеренги и ничего не мог поделать против решения толпы. И теперь она тонет в этой беспощадной реке...

Эмили все еще сопротивлялась судьбе, барахтаясь, как беспомощный жук, который перевернулся на спину. Но что она могла против мощного потока, который несет её все дальше в черноту...

Постепенно движения становились слабее, и, в конце концов, силы оставили ее, а сознание померкло.

Она погрузилась в нечто мягкое и уютное, словно объятия матери, которых никогда не знала. Ее качало, как на волнах, и казалось, в мире больше не существует ничего, кроме этого безмятежного спокойствия.

Эмили готова была пребывать вечно в этой неге, но неожиданно в ее потухший мир стали проникать шорохи. Сквозь туманную завесу доносились чьи-то голоса, безмятежность ушла, но грудь больше не сдавливало, и воздух спокойно проникал в легкие. А это могло означать лишь одно – она действительно погибла и теперь находится у богов. Или где-то в преддвериях. Они решат её судьбу и определяют, чего она достойна – остаться с ними и вечность пребывать в благодати или сбросить в подземный мир за проступки.

Едва Эмили подумала о том, что может оказаться среди чудовищ, внутри всё вздрогнуло. Ей очень хотелось сообщить богам, что она была хорошим человеком и никому не делала дурного. Но тело не слушалось, конечности ослабли так, что даже движение пальцем оказалось непосильной задачей.

Тем не менее, откуда-то сбоку донеслось:

– По-моему очнулась.

Голос был мягким и певучим, и непременно должен принадлежать богам, хотя в этой музыкальности Эмили уловила металлическую жесткость.

– Да нет, – отозвался второй, такой же музыкальный и одновременно жесткий. – Тебе показалось. Кажется, она слишком нахлебалась. Не выкарабкается. Зря это всё. Можно было бы и без этих сухопутных пиявок обходиться.

– Не тебе обсуждать его решения, – резко оборвал первый голос.

– Может и не мне. Зато именно мне, то есть нам, потом возиться с этими. Разве нельзя как-то по-другому? Столько времени прошло, а все одно и то же.

Первый голос, из которого разом исчезла вся музыкальность, проговорил еще резче:

– Ты еще поговори. Сама-то давно переметнулась? Если он узнает, как ты рассуждаешь, раздавит, как мокрицу.

– А откуда он узнает?

– А ты угадай...

– Не буду я ничего угадывать, – отозвался второй голос, явно не уловив угрозы. – Ну правда. Столько лет было тихо, спокойно. Неужели за это время никто не додумался до более подходящих способов.

– Зачем? Если и прежний работает?

– Если б работал, мы бы не стояли сейчас над этой мокрицей, – бросил второй голос. Послышалось хмыканье, потом первый голос произнес:

– Ты здесь недавно. А я много лет. И видела, что было пока он не договорился с сухопутными. Был бы другой способ, он бы его нашел.

Эмили не понимала, о чем могут спорить боги, но тон и суть разговора, которая от нее ускользала, совсем не напоминали божественные. Собравшись с силами, она напряглась и разомкнула веки.

После темноты реки в глаза ударил голубоватый свет. Эмили зажмурилась, пришлось ждать, пока перестанут плавать световые пятна, и лишь тогда снова осмелилась открыть глаза.

Прямо над ней голубой купол, исходящий белыми волнами. За ним проплывают тени, похожие на гигантских рыб, пару раз проползало что-то длинное, вроде сома.

От изумления и благоговения Эмили выдохнула. Но вместо воздуха изо рта выплеснулась струя воды. Девушка согнулась пополам и перевернулась на живот, каким-то чудом уперевшись ослабшими ладонями в пол. Она кашляла, исторгая из себя воду, которой, как ей показалось, хватило бы, чтобы наполнить целое море.

– Ты посмотри-ка, – с удивлением произнес один из певучих голосов. – Живая.

– Я же тебе говорила, что шевелилась, – отозвался второй. – Значит будет толк.

Эмили смотрела вниз перед собой и видела прозрачный пол, под которым в темной глубине скользят ещё более темные тени и даже думать не хотела, где в действительности находится. Она, верно, умерла, захлебнулась в жутком водовороте и попала в нижний мир за какие-то страшные прегрешения. И теперь нужно вести себя так, чтобы эти страшные боги сжалились над ней и отпустили наверх.

Приложив титанические усилия, кашляя и пытаясь, как потревоженный буйвол, Эмили подняла голову и застыла.

Перед ней стояли две очень стройные девушки. Настолько стройные, что их можно было бы принять за подростков, если бы не рост. Они явно были выше Эмили на пол головы. Бедра и плечи узкие, а талии и вовсе можно обхватить ладонями. Лица заостренные, глаза большие и светлые, волосы до самых пяток и ниспадают аккуратными волнами. У одной черные, как деготь, у другой – соломенные. Обе бледные, как свежесмысленные стены и наряжены в светлые платья из тонкой ткани до пола.

На Эмили смотрят строго и даже с какой-то злостью.

Она попыталась заговорить, но получился лишь кашель. Белокурая покачала головой и проговорила резко:

– Берем её и потащили. И так уже воду за ней вытирать. Мало ли, что из этих земны вывалился.

Едва она закончила, как Эмили ощутила на локтях крепкие и цепкие, словно когти пальцы. Не успела и пискнуть, как эти хрупкие девы сдернули её с места и поволокли по гладкому полу.

Никогда в жизни еще Эмили так не позорили. Даже к жертвенной реке она пришла сама, на своих ногах. А теперь её волокут, словно телушку на убой.

Праведное возмущение придало сил. Она задержалась и, наконец выдавила из себя:

– Кто вы? Где я?

Темноволосая покосилась на неё, не прекращая движения. Глаза сверкнули голубым.

– Гляди, – сказала она подруге. – Разговаривает. Ишь ты. Прежние только сознание теряли и рыдали.

– Эта какая-то странная, – согласилась белокурая. – Волосы гляди какие. Цвет, будто рака сварили.

– Фу, где ты видела вареных раков? – поморщившись спросила темноволосая.

Девушка с соломенными волосами ответила с явной гордостью:

– Тебя еще не было, а меня хозяин брал в путь к кипящим озерам. Вот там и видела. Раки если близко к ним подплывают – варятся заживо и становятся вот такого цвета.

Они обе оглянулись и посмотрели на Эмили так, словно это она виновата в том, что эти раки варятся. Но решимость понять, где находится и почему ее волокут в неизвестном направлении Эмили не покинула. Если ее собираются судить боги, она имеет право хотя бы знать где и почему.

– Вы боги? – снова собравшись с силами спросила она.

Девы переглянулись, а через мгновение голубой коридор, по которому тащили Эмили заполнился мелодичным смехом. Он походил на звон десятков колокольчиков, и Эмили невольно подумала, что боги с таким смехом непременно должны быть добрыми. И вдвойне не понятно, почему они так недовольно смотрят на нее.

– До богов нам, как на старом окуне до неба, – с кривой усмешкой отозвалась белокурая.

– Тогда кто? – недоверчиво спросила Эмили и попыталась подняться, но ноги все еще не держали.

Девушки перехватили ее поудобнее, а белокурая проговорила:

– Тебе не обязательно это знать.

– Да какая разница? – отозвалась темноволосая. – Потом-то всё равно узнает. Мы ундины, деточка. Верноподданные ундины...

– Много разговариваешь, – оборвала ее вторая. – Неведение для них лучше. Эффект больше. Замолчи и потащили.

Эмили попыталась воспротивиться.

– Я сама могу, – слабо проговорила она и зашевелила ногами.

Но и ей, и девушкам, которые назвали себя ундами, было ясно – сама она пока не может. Пришлось смириться и повиснуть на тонких, но невообразимо крепких девичьих руках.

Об ундах Эмили знала лишь из «Легенд старого Обода». В них говорилось, что они прекрасные девушки, которые расчесывают волосы, поют на берегу и заманивают чарами одиноких мужчин. И, видимо, поэтому они так недобро смотрят на нее – Эмили на мужчину похожа слабо.

Ее волокли, казалось, вечность. За это время она успела кое-как прийти в себя. Мокрое платье липло к телу, она замерзла. Но сопротивляться и задавать вопросы все еще не решалась. Если в этих ундах достаточно силы, чтобы тащить ее без единой тени напряжения, наверняка хватит удали, чтобы присмирить.

Смирение никогда не было коньком Эмили, несмотря на доброту, она верила: если чувствуешь, что делаешь правильно – делай. Но сейчас она даже не понимала, что происходит, жива ли она и куда ее тащат. А женское чутье подсказывало – спорить с этими девами плохая идея.

Они поглядывали на нее по очереди, словно сговорились. Эмили молча смотрела на них и на прозрачные стены, переходящие в потолок, за которым исходит волнами голубая вода. В ней все так же неспешно движутся вытянутые тени, но не приближаются, словно боятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.